

ПРИГЛАШЕНИЕ К ДИСКУССИИ

Историческая наука сильно отличается от других наук тем, что историк накапливает свои знания годами и делает их достоянием общественности на склоне лет. Профессиональные историки не могут сиюминутно реагировать на запросы меняющейся жизни человеческого общества, а когда выдают свой труд «на гора», теории, которые послужили методологической основой их исследований, кажутся устаревшими и неинтересными современникам. Между тем эти работы содержат много новых знаний, которые заслуживают того, чтобы они были подробно проанализированы и осмыслены. Не случайно историография является одним из «китов», на которых зиждется историческая наука. Исходя из этого редакционная коллегия «Вестника ВолГУ» открывает новую рубрику, в которой предлагает исследователям критически осмыслить и обсудить работы, которые, на наш взгляд, должны оставить след в историографии. Такой работой мы считаем недавно вышедшую монографию патриарха венгерской русистики Тамаша Крауса «Судьба идей в истории СССР и после...» [10]. Ждем предложений для дальнейших обсуждений.

И.О. Тюменцев,
доктор исторических наук, профессор,
главный редактор журнала

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.5.22>

UDC 930

LBC 94(47).084.8

Submitted: 20.04.2021

Accepted: 25.09.2021

DISCUSSION ABOUT THE BOOK BY KRAUSZ TAMÁS “THE FATE OF IDEAS DURING THE USSR HISTORY AND AFTER...”

Nina E. Vashkau

Lipetsk State Pedagogical University, Lipetsk, Russian Federation

Arcady A. German

Saratov National Research State University, Saratov, Russian Federation

Tatiana B. Ivanova

Volgograd Institute of Management, Branch of the Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration, Volgograd, Russian Federation

Evgeniy F. Krinko

Southern Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences, Rostov-on-Don, Russian Federation

Sergey G. Sidorov

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Abstract. N.E. Vashkau in the essay “On the way to the dialogue of national historiographies” notes the importance of historical memory, interaction within the framework of the intercultural dialogue of historiographies. A.A. German, in

solidarity with some of T. Kraus' views on the historical memory of the Second World War, starts a polemic with him on a number of problems related to the theory, history and practice of the creation, development and fall of Soviet state socialism. T.B. Ivanova (section "Historical memory forecasting the future") focuses on self-government as an instrument of social emancipation as a direction to develop the social structure, which T. Kraus pays special attention to in theory and political activity. The author pays attention to the wide information and evidence base offered by T. Kraus to prove the value of this idea every time for the next social reconstruction. E.F. Krinko in the section "Soviet history in a Marxist reading: Tamas Kraus on revolution, socialism, war and other issues" notes that the publication of the book provides us with a deep understanding about the Hungarian historian views basing on the denial of capitalism with its ideals of individualism and private property and commitment to the socialist idea. He emphasizes that T. Kraus rejects both the application of the theory of totalitarianism to Soviet history due to its limited research potential, and the apologetics of Soviet man and state socialism. S.G. Sidorov focused on the second section of T. Kraus' book "War and Genocide. Historical facts and the politics of memory", in which the author gives answers to important questions: who is responsible for the war; whether it is possible to compare the Nazi Germany with the USSR as well as GULAG and Auschwitz; who is guilty of civilians genocide and others. Sidorov has come to the conclusion that the application of "his methodological conviction – the third way" actually led the author to estimates that are close to many ones given by modern Russian historians, and allowed him to reasonably and fairly criticize the views on World War II, the Soviet period of Russian history prevailing today in Hungary and in the West.

Key words: Tomas Krausz, history of the USSR, revolution of 1917, World War II, state socialism, historiography of "totalitarianism", culture of isolation, Soviet man, Hungarian historiography, history of ideas.

Citation. Vashkau N.E., German A.A., Ivanova T.B., Krinko E.F., Sidorov S.G. Discussion About the Book by Krausz Tamás "The Fate of Ideas During the USSR History and After...". *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2021, vol. 26, no. 5, pp. 272-291. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.5.22>

УДК 930
ББК 94(47).084.8

Дата поступления статьи: 20.04.2021
Дата принятия статьи: 25.09.2021

ДИСКУССИЯ ПО КНИГЕ КРАУСА ТАМАША «СУДЬБА ИДЕЙ В ИСТОРИИ СССР И ПОСЛЕ...»

Нина Эмильевна Вашкау

Липецкий государственный университет им. П.П. Семенова-Тян-Шанского,
г. Липецк, Российская Федерация

Аркадий Адольфович Герман

Саратовский национальный исследовательский государственный университет,
г. Саратов, Российская Федерация

Татьяна Борисовна Иванова

Волгоградский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ, г. Волгоград, Российская Федерация

Евгений Федорович Кринко

Южный научный центр РАН, г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация

Сергей Григорьевич Сидоров

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. Н.Э. Вашкау в очерке «На пути к диалогу национальных историографий» отмечает значение исторической памяти, взаимодействия в рамках межкультурного диалога историографий. А.А. Герман, солидаризируясь с некоторыми взглядами Т. Крауса по вопросам исторической памяти о Второй мировой войне, вступает с ним в полемику по целому ряду проблем, связанных с вопросами теории, истории и

практики создания, развития и падения советского государственного социализма. Т.Б. Иванова (раздел «Историческая память в прогнозировании будущего») акцентирует внимание на самоуправлении как инструменте социальной эмансипации – направлении развития общественного устройства, которому Т. Краус уделяет особое внимание в теории и политической деятельности. Анализируется значительная информационно-доказательная база работы Т. Крауса об использовании этой идеи всякий раз для очередного общественного переустройства. Е.Ф. Кринко в разделе «Советская история в марксистском прочтении: Тамаш Краус о революции, социализме, войне и других вопросах» отмечает, что выход сборника позволяет достаточно полно представить воззрения венгерского историка, в основе которых лежит отрицание капитализма с его идеалами индивидуализма и частной собственности и приверженность социалистической идее. Он подчеркивает, что Т. Краус отвергает как применение к советской истории теории тоталитаризма вследствие ограниченности ее исследовательского потенциала, так и апологетику советского человека и государственного социализма. С.Г. Сидоров основное внимание уделил второму разделу книги Т. Крауса «Война и геноцид. Исторические факты и политика памяти», в котором автор дает ответы на важные вопросы: кто несет ответственность за войну; отождествимы ли нацистская Германия с СССР, Гулаг и Освенцим; кто повинен в геноциде мирного населения и другие. С.Г. Сидоров пришел к выводу, что применение «своего методологического убеждения – третьего пути» фактически привело автора книги к оценкам, которые близки многим современным российским историкам, и позволило аргументированно и справедливо критиковать господствующие сегодня в Венгрии и на Западе взгляды на Вторую мировую войну, советский период истории России.

Ключевые слова: Тамаш Краус, история СССР, революция 1917 г., Вторая мировая война, государственный социализм, историография «тоталитаризма», культура изоляции, советский человек, венгерская историография, история идей.

Цитирование. Вашкау Н. Э., Герман А. А., Иванова Т. Б., Кринко Е. Ф., Сидоров С. Г. Дискуссия по книге Крауса Тамаша «Судьба идей в истории СССР и после...» // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2021. – Т. 26, № 5. – С. 272–291. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.5.22>

На пути к диалогу национальных историографий

Н.Э. Вашкау

Сама идея обсудить книгу венгерского ученого очень своевременная. Состояние дел в научном сообществе, обмен мыслями, идеями и позициями сегодня заставляют вспомнить время 1995–2010 гг., когда в Волгоградском государственном университете проходили регулярные международные научные встречи с немецкими, американскими, итальянскими коллегами (В. Ветте, Г. Юбершер, Х.-Х. Нольге, В. Якобмайер, Д. Бальд, М. Росси и многие другие). Названия конференций были острыми, современными, результаты свидетельствовали о сближении позиций историков разных стран, о возможности и необходимости равноправного, неидеологизированного сотрудничества, поиска приемлемых решений в дискуссионных ситуациях.

Я вижу некую историческую закономерность в появлении книги Т. Крауса на русском языке. Автор подводит итог 30-летия развития исторической науки в Венгрии и в нашей

стране. Начало 1990-х гг. было культурным шоком для историков СССР и Восточной Европы – открытие архивов, еженедельные «Правдинские пятницы», первые публикации в исторических журналах, которые становились материалом для лекций в университетах, ибо учебники не соответствовали духу времени и открывавшемуся материалу. Так была воспринята мною книга Ласло Белادي и Тамаша Крауса, изданная в 1988 г. на венгерском языке и в 1989 г. переведенная на русский язык издательством политической литературы, в скромной мягкой обложке, вышедшая тиражом 300 тыс. экз., целые абзацы которой были подчеркнуты карандашом студентами. Так новы и неожиданны были постановка вопросов и предлагаемые ответы... Книга была большим подспорьем в изучении эпохи сталинизма, которая открывалась нам всем «зияющими высотами». Т. Краус признает (что не часто случается с историками!) [10, с. 218], что использовал данные, общепринятые в исторической науке того времени, и, как теперь понятно, не соответствующие действительности. Так, он ссылаясь на данные Роя Медведева о количестве жертв чисток. Появление

новых данных показало, что цифры были завышены. Но историки были только в начале пути по открытию и осмыслению документов.

Автор все годы интенсивно работал в самых разных направлениях, что для нашего исторического цеха не характерно. Проблемы, которые освещаются в этом издании, являются отдельными темами для многолетней работы российских историков. Стоит вспомнить полярные точки зрения на публикации по событиям 1917 к юбилею революции в 2017 году.

Не имея возможности говорить обо всех сюжетах, остановлюсь на тех, которые более всего занимают меня последние годы. То, что Германия после окончания Второй мировой войны провела огромную работу по преодолению прошлого, признается в современной российской историографии, публицистике. Многие эксперты считают это одним из самых успешных примеров в области «политики памяти» [5, с. 8–11].

«Признать национальную вину вовсе не означает, как боятся многие, запятнать образ нации. Напротив, у нации появляется возможность внести изменения в самоидентификацию: категорически отмежеваться от преступлений, которые имеются в ее истории, и громко заявить о ценностях гражданского общества», – сказала в интервью Институту Гёте известный специалист в области изучения исторической памяти Алейда Ассманн (университет Констанц, ФРГ) в 2013 году [1].

Полемизируя со своим молодым коллегой Кристианом Унгвари, Т. Краус пишет, например, о том, что, участвуя на территории Советского Союза в преступлениях и насилиях против женщин, немецкие и венгерские солдаты не понесли наказания. В то время как советские солдаты, вступая в Германию (и в Венгрию), за насилие над гражданским населением получали дела и сроки [10, с. 150]. Если мы хотим оставаться на стороне правды и строгого следования документам, мы должны разделить тезис автора: не стоит поступать на службу тому или иному политическому курсу и стараться удовлетворить его легитимационные запросы, «национальные нарративы» [10, с. 179]. «Чем многообразнее добытые из архивов исторические материалы, тем труднее установить политический контроль над научной областью, в которой, между

прочим, неизбежно сталкиваются различные политические интересы» [10, с. 194]. Это замечание особенно актуально сейчас, в пору увлечения пересмотром страниц истории СССР с уклоном в поиски очернителей.

Т. Краус настаивает на геноциде советского народа со стороны оккупационных войск [10, с. 197, 213]. И это делает ему честь – открыто назвать события и дать им оценку. Ярким примером живучести в Германии легенды о «чистом вермахте» стала судьба выставки «Война на уничтожение – преступления вермахта 1941–1944». В Германии до сих пор существует убеждение, что регулярная армия не была причастна к преступлениям, которые совершали войска СС и гестапо. И хотя о них говорилось на Нюрнбергском процессе, эти устойчивые представления оказалось сложно опровергнуть внутри общества. Выставка была подготовлена в 1995 г. Гамбургским институтом социальных исследований и получила огромный общественный резонанс, авторитетные ежедневные и еженедельные немецкие издания публиковали обстоятельные материалы об экспозиции. Вышло более 20 серьезных публикаций влиятельных историков ФРГ. «Мы находимся на пороге глубинной переоценки ценностей», – писали фрайбургские историки Вольфрам Ветте и Герд Юбершер. После ознакомления с документами выставки бывший солдат не мог отмахнуться от вопросов молодого поколения: что ты делал на Восточном фронте? Это ты на фотографии?

Но в октябре 1999 г. историки Б. Музьял (Польша) и К. Унгвари (Венгрия), тогда молодой ученый, напечатали сообщения об атрибуции ряда снимков. В частности, К. Унгвари поставил под сомнение 11 фотографий, указав, что в качестве палачей на снимках запечатлены солдаты финской и венгерской армий. С точки зрения аутентичности замечание верное, но оно коснулось только 20 фото из 1 433!!!

Тем не менее статьи о сознательной фальсификации заполнили газеты. Выставка была закрыта. Новая команда под руководством У. Юрайт смогла преодолеть сопротивление и общественности, и исторического цеха, и переработанная выставка открылась после длительных обсуждений в ноябре

2001 г., и по март 2004 г. была показана в 11 немецких городах. Она дала новый импульс для работы немецких исследователей и появления ряда публикаций: Hürter J. Hitlers Heerführer. Die deutschen Obersbefehlshaber im Krieg gegen die Sowjetunion 1941/42. München, 2006; Römer F. Der Komissarbefehl. Wehrmacht und NS-Verbrecher an der Ostfront 1941/42. Paderborn, 2008; Hartmann Ch. Wehrmacht im Ostkrieg. Front und militärisches Zinterland. 1941/1942, München, 2009; Müller R.-D. Der Feind steht im Osten. Hitlersgeheime Pläne für einen Krieg gegen die Sowjetunion im Jahr 1939. Berlin, 2011.

Но вернемся к тезисам К. Унгвари. Осознав, что плоды его изысканий сослужили не лучшую службу в закрытии выставки таким образом, в газете «Frankfurter Allgemeine Zeitung» 5 ноября 1999 г. он писал: «Будучи одним из критиков выставки, я должен разочаровать ее противников. Ошибки, сделанные при атрибуции снимков, не могут служить доказательством “чистоты вермахта”». А как же вели себя венгерские войска?

В ходе освобождения ранее захваченных германскими солдатами и их союзниками территорий бойцы Красной армии столкнулись со следами преступлений, проходя через разрушенные и ограбленные колхозы, сожженные села и деревни, обнаруживая ямы с расстрелянными, замученными жителями и пленными красноармейцами. На основе этих фактов, а также на показаниях выживших свидетелей о злодеяниях была собрана доказательная база причиненного солдатами вермахта урона населению, хозяйству и экономике того или иного района/области советского государства [6, с. 30–66]. За время деятельности Чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и причиненного ими ущерба гражданам, колхозам, общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям СССР (далее – ЧГК) было собрано огромное количество документов – одних протоколов допросов свидетелей насчитывалось более 250 тысяч. Информация, собранная членами комиссии, была представлена на Нюрнбергском судебном процессе и легла в основу вынесения обвинительных приговоров нацистским лидерам.

Краус однозначно оценивает документы ЧГК как достоверные. Ибо можно подвергать сомнению наспех записанные – свидетельства, как преувеличенные, ссылаясь на неразбериху военного времени. Здесь он полемизирует с Никитой Петровым, который упрекает ЧГК в пропагандистской деятельности [10, с. 198]. Между тем массовые источники, например, из Воронежского государственного архива, взятые в комплексе, доказывают участие немецких, венгерских, итальянских солдат в уничтожении мирного населения. Что прямо зафиксировано в актах с указанием, какие части совершали злодеяния. Приведем один пример: свидетельства из акта Покровского сельсовета о зверствах и бесчинствах, учиненных венграми и немцами над гражданами слободы Коротояк Воронежской области от 18 января 1943 г. «...Венгерские солдаты и офицеры, собрав в поле мирных жителей, поклали к земле лицом и начали бить прикладами и топтаться сапогами по гражданам. Ими расстреляны: Бушманов Григорий Тихонович, 73 года; старуха Башкатова Варвара, 63 года; Тепцов Иван Васильевич, 37 лет. Оставшихся живыми граждан из этой группы фашисты погнали в лес, повязали веревками, как овец, свалили в кучу и 12 часов избивали. После издевательства фашисты погнали босых и раздетых граждан, а кто не мог идти – расстреливали. Пригнали в село за 50 километров от города Коротояка и бросили, как скот, на произвол судьбы, и эти люди питались, как птицы, бродили по селам, собирая пищу для жалкого существования. В другой группе граждан фашисты отбили матерей от малых детей и погнали более 100 человек в неизвестном направлении. И эти граждане пропали без вести, а дети остались без матерей, бродили по селам. Многие из них померли [2, с. 67]. И когда мы видим фото пропагандистских щитов венгерских войск в районе Дона, датированные осенью 1942 г.: «Тут ходили малярские войска. Крест, землю, волю назад дали вам», приведенные в книге воронежских историков, мы понимаем, что это воспринималось как издевательство [13, с. 36].

Давая краткую характеристику второй части книги, озаглавленной «Война и геноцид», автор пишет: «Я, не отворачиваясь от вызовов войн памяти, но и не намереваясь плыть по те-

чению, занимаюсь главным образом “переосмыслением” Великой Отечественной войны в Восточной Европе, в том числе венгерскими и российскими аспектами этой проблемы. Мне хотелось бы осмыслить и объяснить, каким образом политика опять переделывает по своему образу и подобию нашу науку, историю, прежде всего в отношении событий XX в.».

Непредубежденное, неконъюнктурное освещение немецкого, а теперь с помощью работ Тамаша Крауса и венгерского опыта, имеющего для нас особый смысл и особое значение, может принести немалую пользу и российской исторической мысли, и российскому историческому сознанию. Лев Копелев, один из крупнейших гуманистов XX столетия, инициатор «Вуппертальского проекта» о многовековом диалоге русских и немцев, назвал опыт преодоления тоталитаризма в ФРГ «необычайно важным, необходимым для России» – «ради выздоровления общества, ради того, чтобы исцелить тяжелооболванную страну». С полным основанием эти слова можно отнести и к научным работам венгерских ученых, которые не в связи с конъюнктурой, а вопреки ей стремятся донести до читающей венгерской публики, в первую очередь до молодежи, неизвестные или нежелательные к обсуждению в современной действительности страницы истории. Не переболев, не поняв, не выработав к этим событиям собственного аргументированного отношения, нельзя надеяться, что ростки неонацизма, отрицания роли СССР в освобождении Европы от национал-социалистической теории и практики не будут вновь и вновь подниматься на щит.

Что можно предложить предпринять в пространстве сопряжения российского исторического знания и достижений зарубежной историографии? В русле привлечения молодежи к изучению истории Второй мировой войны организовать авторитетный всероссийский конкурс школьных исторических работ по повседневной истории нашей страны в XX в., найти «российского» Курта Кёрбера по примеру проведения таких конкурсов в Германии, которые проходят под патронажем президентов ФРГ с 1973 года. Таким опытом еще в 2006 г. делились участвовавшие в международной конференции в Волгоградском государственном университете ученые и учителя

из Германии Б. Дистель, К. Майвальд, Э. Рихтер, В. Якобмайер.

Периодически выпускать специальные номера исторического журнала «Родина», посвященные проблематике российско-германских отношений и опыту «преодоления прошлого» в ФРГ и других странах. В школьных учебниках по истории XX в. предусмотреть темы, напрямую затрагивающие эти вопросы.

Компонентом современного межкультурного диалога является взаимодействие и взаимовлияние национальных историографий и национальных научных сообществ. Различные уровни этого процесса могут предусматривать взаимную объективную информацию о направлениях развития исторической науки; систематические переводы книг и статей, публикации в национальных научных изданиях (пример такого взаимодействия мы и обсуждаем на страницах этого журнала); совместные исследовательские проекты; международные дискуссии по конкретно-историческим и методологическим проблемам. Книга Тамаша Крауса приглашает к такому диалогу.

Тамаш Краус о судьбе идей «в истории СССР и после»

А.А. Герман

Известный венгерский историк, общественный деятель, советолог Тамаш Краус издал в России книгу «Судьба идей в истории СССР и после...», посвященную проблеме развития и трансформации под влиянием политических факторов идей социальной эмансипации в нашей стране. По политическим убеждениям автор – левый социалист, сторонник идей Маркса и Ленина, сохранивших, по его мнению, актуальность. С этих позиций он трактует исследуемые им идеологические процессы.

В книге представлены работы автора, объединенные общим смысловым подходом, обозначенным в названии. Первая и третья части связаны линией судьбы социалистических идей в СССР и странах Восточной Европы, вторая раскрывает политику исторической памяти в современной Венгрии о событиях Второй мировой войны и освещает преступления нацистов и их венгерских подручных на территории СССР.

Первая часть книги «Понятия и подходы» посвящена анализу исторической памяти о российской революции 1917 г. и судьбе теоретического наследия В.И. Ленина. Автор пишет о современном господстве «неототалитаристской» историографической школы, отвергающей закономерность Октября в России. Сам он предстает сторонником «ревизионистской школы», имевшей недолгий успех в России, странах Восточной Европы во второй половине 1980-х годов. «Ревизионисты» вернулись к досталинским интерпретациям развития революции в России, связанным с работами Ленина, Троцкого, других теоретиков большевизма.

Краус, исходя из своих антикапиталистических убеждений, не видит положительного в предвоенном развитии России, недооценивает вклад реформ П.А. Столыпина в ее экономический и политический прогресс, первые успехи «цивилизованного» капитализма. Столыпин был убит эсерами за то, что в русской деревне стал явно ощущаться успех капиталистической модернизации. Но автор прав в том, что сохранение среди крестьян психологии общинности повлияло на их настроение в 1917 году.

Краус отрицает «путчистский» характер Октябрьской революции, говорит о ее объективном характере, о массовой поддержке большевиков рабочими, крестьянами, солдатами [10, с. 27, 28]. Но в его системе доказательств убеждает не все. Неверно, что к осени 1917 г. «большевики почти везде получили большинство в советах». Они получили его лишь в столицах и ряде крупных промышленных центров, где кроме маргинальной части рабочих их поддерживали солдаты крупных военных гарнизонов. Ленин это понимал. Люди устали от войны и ее лишений, они требовали быстрее мира, но это вовсе не значит, что они были за большевистский социализм.

Декреты о мире и о земле стали первыми документами советского правительства не случайно. Первый носил популистский характер и лишь декларативно вдохновлял россиян, уставших от тягот войны. Декрет о земле подменял аграрную программу большевиков эсеровским принципом социализации и разда-

чи крестьянам помещичьей земли. Так их привлекали на сторону большевиков. Еще одним трюком стала поддержка народного требования проведения выборов в Учредительное собрание. Большевики надеялись, что их первые декреты обеспечат им большинство, но за большевиков проголосовало всего 23 % избирателей, эсеровские же партии вместе получили свыше 51 % голосов. Идея легитимизации своей власти через Учредительное собрание провалилась. Начались репрессии... Большевики действительно опирались на массовую поддержку рабочих, крестьян и солдат, но лишь для захвата власти, ее удержания до «подхода мировой революции».

Оправдывая действия большевиков после захвата власти, Краус вынужден отметить, что вопреки идеям, изложенным Лениным в «Государстве и революции», отмирать стало не государство, а советское самоуправление [10, с. 37]. Автор признает большевистское насилие, формулируя вопрос: «Можно ли бороться с варварством не варварскими средствами?». И далее уклончиво отвечает: «Я не знаю ответа на этот вопрос» [10, с. 40].

Краус пишет о своеобразии российской революции, анализируя дискуссии, проводившиеся в большевистской среде. Особое внимание уделяется дискуссии Л. Троцкого и М. Покровского, в которой первый подчеркивал универсализм социалистической революции, а второй выпячивал ее «историческое своеобразие». Вопреки мнению Т. Крауса представляется, что эта дискуссия утратила свою актуальность.

Говоря о Ленине, автор вынужден признать, что в современной историографии тот показывается как сторонник государственного социализма, ему приписываются утопические иллюзии и авторитарно-догматический марксистский взгляд. Попытки опровергнуть эти выводы выглядят малоубедительно. Краус пишет о венгерских исследователях Ф. Тёкеи и Г. Лукаче, продолживших на основе ленинских положений исследование «азиатского способа производства», полемизирует с Ю. Хабермасом по поводу его термина «исправляющая революция», рисуя восточноевропейские страны как общества догоняющего типа. Много места уделено дебатам с «лидером венгерской либеральной экономики»

Я. Корнаи, который в работе «Социалистическая система» доказывает, что эта система завела социалистические страны в «исторический тупик», потому что игнорировала или недооценивала фундаментальные социальные институты: плюралистическую демократию, частную собственность и рынок. Краус обвиняет Корнаи в абсолютизации «сталинского социализма», не придавая должного значения другим его известным формам, показанным в трудах Ленина, во второй программе РКП(б). В помощь себе автор привлекает и творчество И. Дойчера. Однако практических примеров такого социализма он привести не может, поскольку их не существовало.

Интересными представляются рассуждения Крауса о событиях осени 1956 г. в Венгрии. В них он видит не антикоммунистическую революцию, а попытку сменить модель «сталинского социализма» на социализм гуманный, подтверждая свои выводы деятельностью рабочих советов в период восстания. Заслуживает внимания сравнение событий 1968 г. в Чехословакии, 1980 г. в Польше, реформ, проводившихся в Венгрии после 1956 г., югославских экспериментов с событиями осени 1989 г. в странах Восточной Европы. Все предшествовавшие 1989 г. события, по его мнению, являлись попытками поиска социалистического развития общества за пределами сталинской модели. Они закончились неудачей. В то же время поражение социалистов «подтолкнуло оппозицию, критикующую систему, к развитию буржуазной альтернативы», которая и победила в «бархатных» революциях осени 1989 года.

Вторая часть книги посвящена анализу историографии событий Второй мировой войны в Европе и политики памяти об этих событиях, реализуемой сегодня в Венгрии. Констатируется, что сегодня в Венгрии победила историография «тоталитаризма», где господствуют отождествление СССР с нацистской Германией, недооценка советских военных усилий, фальсификация начала Второй мировой войны [10, с. 129]. Причину этого Краус видит в реставрации традиционного национализма – антинаучного, агрессивного, «содер-

жащего в себе наследие режимов периода между мировыми войнами и времени Второй мировой войны» [10, с. 131]. Идеологическая концепция «двух одинаковых диктатур», пишет автор, ликвидирует «абсолютное зло» нацизма.

Обсуждая проблему советско-германского пакта о ненападении, Краус полностью солидаризируется с ведущей российской историографической концепцией, объясняющей действия советского руководства в августе 1939 г. «политикой умиротворения» Гитлера и отказом Польши, Чехословакии, других пограничных стран сотрудничать с СССР, что создавало для него угрозу нацистской агрессии. Автор доказывает наличие в каждой из стран Восточной Европы слоев населения, симпатизировавших нацизму.

Примечательно, что, оправдывая подписание Советским Союзом пакта о ненападении, автор резко негативно относится к германо-советскому договору о дружбе от 28 сентября 1939 г., заявляя, что этот договор «запятнал грязью поведение советского руководства» [10, с. 142] и имел тяжелые последствия как для самого СССР, так и для международного рабочего движения и антифашистского общественного мнения.

Особое внимание Краус уделяет анализу проблемы геноцида в годы войны, доказывая его осуществление не только со стороны нацистов, но и венгерских войск, находившихся в СССР. Он осуждает венгерских историков, отрицающих этот факт. Разоблачению замалчиваемого геноцида, который осуществляли венгерские оккупационные войска, автор посвящает отдельный материал [10, с. 180–215].

Существенное место автор уделяет разоблачению ряда аналогий между нацистским и сталинским режимами, сформировавшихся в западной, в том числе и венгерской, историографии: Освенцим – ГУЛАГ, Сталин – Гитлер, поведение германских войск в СССР – поведение Красной армии в Германии и др. Во всех этих попытках сравнения и отождествления Краус видит происки современных историков школы тоталитаризма. Разоблачения автора во многом сходны с аргументацией российских историков, в том числе и связанной с недавним празднованием 75-летия Победы СССР в Великой Отечественной войне.

Третья часть книги – «Смысл перестройки. Конец СССР» – логически продолжает идеи первой части: исследуются проблемы теории, истории и практики социализма в Венгрии, СССР, других странах Восточной Европы. Освобождение Венгрии привело к дефашизации страны. Однако компартия скопировала и внедряла советскую модель развития, что и привело к народному восстанию 1956 года. Возвращаясь к теме рабочих советов 1956 г., Краус сравнивает их с советами Венгерской советской республики 1919 г., отмечает, что в исторической памяти рабочего класса сохранилась память о советах как самоуправляемой форме социализма. Установление режима Я. Кадара вновь привело к утверждению государственного социализма.

Автора занимают проблемы 1968 г. – года «бунта» в мировой политике против обуловленных «двумя мировыми системами новых иерархий, видов зависимости в экономике и мировой политике, против ограниченных великими державами возможностей других стран и народов» [10, с. 254]. Однако выступления молодежи, «Пражская весна», события в Польше, Венгрии, Югославии, других странах не только не способствовали разрушению буржуазного государства, но «подготовили неолиберально-неоконсервативное обновление буржуазной цивилизации». В результате к концу 1980-х гг., пишет Краус, была снесена вся восточноевропейская «государственно-социалистическая постройка».

Процессы советской «перестройки» автор рассматривает с точки зрения отношений и передела собственности. Оригинальными представляются выводы о том, что в основе приоритета государственной собственности на всех этапах развития СССР лежала идеолого-политическая концепция построения социализма в отдельно взятой стране и во враждебном окружении. Она сформировала культуру изоляции, в рамках которой руководство страны, властная бюрократия имели возможность держать население в постоянной мобилизационной готовности, реализуя свои цели. Эта культура изоляции была распространена и на другие соцстраны. Перестройка и «новое политическое мышление» привели к отказу от

культуры изоляции, что, по мнению Крауса, стало одним из важнейших факторов краха СССР и госсосоциализма в Восточной Европе [10, с. 270].

Госсосоциализм, пишет автор, показывал все большую свою неэффективность, отставание от капитализма, что и стало причиной перестройки. Первые шаги по дебиюрократизации общества, акценты на усиление роли общественного социалистического самоуправления внушали надежду на исправление ситуации, однако возникшие в партийной элите расколы способствовали росту антисоциалистических сил, стремившихся к развитию в СССР буржуазной экономики и демократии. Виною тому, считает Краус, было непонимание опасности «обобществления» госсобственности, которое превращало эту собственность в частную. К началу 1990-х гг. в СССР верх одержали сторонники либеральной экономики. Таким образом, с горечью констатирует автор, «третий путь» между госсосоциализмом и капитализмом опять оказался невозможен.

Завершается раздел «размышлениями» автора о советском человеке. В них показаны как позитивные, так и негативные стороны его мышления, поведения, отмечено их многообразие и переплетение. Импонирует уважительное отношение автора к объекту своего описания. Советский человек, советская культура, пишет автор, «оставили потомкам “жизненные” памятники, составляющие неистребимую часть прогрессивной мировой культуры, элементы эмансипации культуры» [10, с. 329].

После прочтения книги ее автор предстает перед нами гуманистом, неисправимым оптимистом, верящим в концепцию самоуправляемого социализма, определяющим его место где-то между госсосоциализмом и рыночным либерализмом, хотя вся практика общественного развития с 1917 г., описанная самим же Краусом, показывает самоуправляемый социализм скорее утопией, чем реальностью.

При спорности некоторых выводов автора следует отдать должное его высокому профессионализму, прекрасному знанию историографии исследуемых проблем, а также за-

мечательному искусству полемики, которым он обладает. При чтении его работ можно получить ясное представление о венгерской историографии истории нашей страны, ее проблемах и полемических точках. Но, пожалуй, больше всего впечатляет глубокое уважение Крауса к советскому народу и современным россиянам, его самоотверженное отстаивание величия подвига советских людей в годы Второй мировой войны. Тамаш Краус – наш добрый друг, и хочется от всей души пожелать ему физического и творческого долголетия.

Историческая память в прогнозировании будущего

Т.Б. Иванова

Практически каждый день приносит нам новые примеры пересмотра различными исследователями и властными структурами устоявшихся со времен СССР взглядов на нашу историю. Эти процессы идут не только в зарубежных странах, но и в России, охватывают все большие периоды времени, перекрашивая то, что считалось белым, в черное и наоборот. «Судьба идей в истории СССР и после...» Тамаша Крауса представляет собой превосходный материал, позволяющий, несмотря на ясно обозначенную авторскую позицию, определить свое отношение к нашему прошлому, что положительно выделяет ее на фоне других работ. Поэтому можно с уверенностью рекомендовать эту монографию для изучения самому широкому кругу лиц, всем, кто стремится сформировать свою собственную точку зрения на исторические события.

Красной нитью в исследовании проходит анализ самоуправления как инструмента социальной эмансипации. Именно этому направлению развития общественного устройства Т. Краус уделял особое внимание в теории и политической деятельности. Так, он писал, что с 80-х гг. его методологическим убеждением стала «идея третьего пути», как способ «избегать неверных политических решений и/или осуществлять анализ альтернативности исторического развития» [10, с. 12], а в 1988 г. при его участии была сформирована оппозиционная Венгерской социалистической партии фракция – «Левая альтернатива», члены ко-

торой отрицали буржуазный либерализм и сталинизм, возможность реализации гуманистических идеалов в условиях «капитализма с человеческим лицом».

Почему же, по мнению Т. Крауса, эти идеи не стали главенствующими на политической арене в предыдущие годы, хотя обосновывались теоретически, начиная еще с работ Т. Мора, и реализовывались на начальных этапах каждого поворотного пункта в развитии человечества? В работе рассмотрены три таких поворотных периода в истории XX в. – становление СССР после революции 1917 г., Великая Отечественная война и перестройка 1989–1993 годов. Их объединяет общеметодологический подход – исторический анализ противоречия между стремлением человечества к реализации идей социального равенства, социальной эмансипации и изменяющимися нуждами политической власти. Эти процессы осмысливаются не только исходя из материалов российских архивов, но и на богатейших данных венгерских, что позволяет в ряде случаев получить взгляд извне, со стороны, открыть новые аспекты советской истории.

Анализируя период становления СССР, Т. Краус делает вывод, что, несмотря на развитие самоуправления в начале революции 1917 г. (рабочий контроль на крупных заводах, предоставление земли крестьянам), оно постепенно отмирало при усилении роли государства. Причиной этого стали гражданская война, голод, недостаток кадров, эпидемии. То есть «советское государство поддерживало самоуправление лишь до тех пор, пока оно не мешало военным усилиям и объединению экономических ресурсов» [10, с. 37]. Подкрепляется этот вывод и анализом дискуссии между Л.Д. Троцким и М.Н. Покровским. Это позволило Т. Краусу [10, с. 52] в начале 1990-х гг. предсказать, что первоначальное накопление капитала, изменение отношений собственности, к которым перешли в этот период страны Восточной Европы, могут быть реализованы только новым олигархическим капиталом, функционирующим с помощью авторитарного режима.

Казалось бы, период Великой Отечественной войны, проблемы ответственности за ее начало, отождествление нацистской Германии и СССР, Гулага и Освенцима далеки от

вопросов современного реформирования Восточной Европы, но их анализ как раз и позволяет Т. Краусу выявить причины активного пересмотра этого периода истории. Приводя богатейший фактологический материал о зверствах нацистов, причем не только немцев, но и венгров, румын, латышей, в монографии утверждается, что без переоценки роли СССР в Великой Отечественной войне как страны-агрессора невозможно «идеологически оправдать новое здание олигархической системы» [10, с. 131], возводимое в странах Восточной Европы. Такой пересмотр позволяет утверждать, что не существует иного пути общественного развития, чем построение «капитализма с человеческим лицом», что попытки реализовать социалистические идеалы ведут к тоталитаризму, аналогичному существовавшему в нацистской Германии. Такой вывод Т. Крауса аналогичен полученному им при рассмотрении периода становления СССР. При этом усиление роли государства в СССР 1929–1933 гг. объясняется политическим стремлением к самосохранению, к созданию собственной экономической базы на «развалинах революции и рабочего самоуправления... на обломках НЭПа и государственного капитализма» [10, с. 228].

Третья поворотная точка развития России, исследованная в работе, – конец СССР. Этот анализ начинается издалека – с венгерских рабочих советов 1956 г., попыток перейти к внедрению многообразия форм социализма в Восточной Европе в 1968 году. На основе сделанных по этим периодам выводов показаны их общие черты и особенности по отношению к перестройке и переделу собственности в Советском Союзе.

Обзор архивных документов позволил Т. Краусу показать, что стремление расширить гражданские свободы, реализовать идеи самоуправления были основными лозунгами, направленными на преобразование общественного устройства. При прочтении работы сам собой напрашивается вывод, что они были идентичны тем, с которыми победила Великая Октябрьская революция: фабрики – рабочим, земля – крестьянам. Но их судьба оказалась различной. В 1956 и 1968 гг. – возврат к прежнему государственному устройству, в 1989–1993 гг. – смена общественного

режима. Причины заключались в готовности к изменениям у политиков внутри страны и поддержке либо статуса-кво, либо трансформации на международной арене, при разном соотношении сил СССР и США.

Тем не менее в монографии обращает на себя внимание тот факт, что группы, фактически поддерживающие смену общественного устройства в виде перехода к олигархическому капитализму, стремятся закамуфлировать характер своих решений, идеологически используя лозунг улучшения положения для всего населения: «неолиберальный поворот был украшен такими перьями из наследия 1968 г., как антирасизм, мультикультуральность, защита прав меньшинств, защита прав человека» [10, с. 262], рыночная экономика провозглашалась как быстрое достижение «всеобщего благосостояния», при котором будет отсутствовать эксплуатация человека человеком. Приведенные Т. Краусом материалы обсуждения Горбачевым, Ельциным, Шаталиным, Абалкиным введения частной собственности, их стремление не видеть в ней перехода к капитализму позволяют выбрать любую из следующих причин их решений – некомпетентность, предательство, стремление сохранить любой ценой власть, получить финансовую поддержку МВФ или считать, что сработали они все вместе.

Реставрация капитализма была поддержана руководителями предприятий, получившими дополнительные возможности обогащения в конце 80-х гг. благодаря принятым законам о развитии хозрасчета, кооперации. Население удовлетворилось красивыми, экономически не подкрепленными лозунгами о равенстве и братстве. Вероятность перехода к самоуправлению была пресечена.

Подводя итог конца СССР, Т. Краус делает вывод [10, с. 315]: «путч был осуществлен частью властной элиты, не желавшей падения старого режима», остальные социальные группы в основном оказались в стороне от перераспределения собственности, процесс был профинансирован международным капиталом.

На основе проведенного анализа еще раз наглядно видно, что работа заставляет, прежде всего, думать, искать аналогии, основополагающую тенденцию общественного разви-

тия, учиться понимать, что подбор исторических фактов может быть беспристрастным, но их интерпретация – никогда. Это утверждение с полным правом относится и к выводам Т. Крауса. С конца описываемого в работе периода – 1993 г. – прошло уже почти два десятилетия. Появились ли какие-либо аргументы в поддержку необходимости развития самоуправления как перехода человечества к действительным равенству и братству? На это хочется ответить утвердительно и привести следующие аргументы.

Во-первых, сами государства развивают общественные инициативы. Формами этого являются инициативное бюджетирование, работа общественных и экспертных советов, публичные слушания, разносторонняя грантовая деятельность, позволяющая получить поддержку на реализацию собственных идей, формирование групп лиц, связанных с определенными видами деятельности – управлением многоквартирными домами, гаражными и дачными кооперативами, работа саморегулируемых организаций, волонтеров.

Во-вторых, благодаря Интернету легко формируются группы по интересам. Они могут быть как позитивными (например, обсуждение проектов благоустройства, международные, реализующие народную дипломатию), так и негативными (террористические организации). Их объединяет основанность на самоинициативе, а не решениях государственных органов.

С чем связаны причины их формирования? С нашей точки зрения, с усилением социального расслоения общества, так как на Всемирном экономическом форуме в Давосе в 2020 г. было озвучено, что 1 % самых состоятельных людей богаче остальных 6,9 млрд человек, а бедность стала снижаться вдвое медленнее, чем в 2013 г. [14]. Кроме того, в связи с развитием искусственного интеллекта предполагается резкий рост безработицы, поэтому нужны формы общественной занятости населения, указанные выше. Это обеспечивает позитивное использование свободного времени, сокращает вероятность распространения асоциальных форм поведения.

Означает ли это, что переход к самоуправлению так и останется голубой мечтой человечества? Думаем, что развитие указан-

ных выше форм гражданского общества является одновременно и условием формирования на его основе государственного устройства. Даже исследуемая работа Т. Крауса показывает, что идея самоуправления фактически используется всякий раз для очередного общественного переустройства, что она близка основной части населения. Но для этого требуется более высокий уровень материального обеспечения. Внедрение инноваций шестой технологической волны все в большей мере позволяет надеяться на это, а работа Т. Крауса «Судьба идей в истории СССР и после...» позволяет использовать историческую память для прогнозирования будущего.

Советская история

в марксистском прочтении:

Тамаш Краус о революции, социализме, войне и других вопросах¹

Е. Ф. Кричко

Знакомство с творчеством ведущего венгерского историка Тамаша Крауса у меня, как, наверное, и у большинства других читателей моего поколения и более старшего возраста, произошло в период перестройки. В 1989 г. вышла его первая на русском языке книга «Сталин», написанная годом раньше совместно с другим венгерским ученым Ласло Беладой, специалистом в области информатики и вычислительной техники [3]. Она стала одной из первых популярных биографий Сталина, изданных в последние годы существования СССР и в целом положительно воспринятых в стране, хоть и не все ее положения быстро эволюционировавшее профессиональное сообщество отечественных историков готово было разделять.

В отличие от многих других коллег на постсоветском пространстве, Т. Краус сохранил верность прежним взглядам и в последующих работах, в том числе изданных на русском языке книгах о «советском термидоре» [9] и Ленине [8], а также в кратком очерке истории России в XX в. [7]. Он остался приверженцем марксистского подхода к истории, но не того догматического верования, которое выступало идеологической основой Коммунистической партии Советского Союза, а

будапештской школы Д. Лукача и других представителей неомарксизма, стремившихся к поиску новых ответов в связи с меняющимися социальными вызовами. Именно с этих позиций он критикует не только сталинизм, но и преобразования последних десятилетий за отказ от гуманистических принципов равенства и социальной справедливости, лежащих, по его мнению, в основе социализма. При этом Т. Краус значительное внимание уделяет истории идей как необходимой интеллектуальной и духовной основе общественного развития.

Эти подходы нашли свое выражение и в рецензируемой книге, представляющей собой тематический сборник ранее опубликованных статей различного жанра и содержания, перепечатанных без изменений или с незначительными изменениями, не затрагивающими их сути. Книга вышла в 2020 г. в издательстве «Аквилон» в качестве XIII тома серии «Гуманитарные науки в исследованиях и переводах», издаваемой с 2010 г. под редакцией М.С. Петровой в рамках исследовательского проекта «Россия и Венгрия в прошлом и настоящем: кросскультурный диалог», поддержанного Российским фондом фундаментальных исследований и Фондом «За русский язык и культуру в Венгрии» [10].

Все статьи в сборнике разделены на три части, не отражающие, конечно, всех направлений исследований Т. Крауса. По собственным словам автора, за прошедшие пять десятилетий его «многое занимало, от историографии до истории идей, очень интересовали биографии и определяющие пути развития решения политиков, оказавших серьезное влияние на советскую историю, от Ленина до Ельцина, крупные судьбоносные переломы и важнейшие исторические альтернативы, от Октябрьской революции 1917 г. до смены общественного строя в 1989–1993 гг.» [10, с. 10]. В то же время характер и содержание издания позволяют считать, что под одной обложкой собраны актуальные тексты по тем сюжетам, которые венгерский историк в настоящее время продолжает считать для себя лично и для современной историографии в целом наиболее важными.

Первая и самая большая по общему объему и количеству входящих в нее материалов часть получила название «Понятия и под-

ходы». Она включает, помимо предисловия, пять статей, две из которых, как и остальные материалы книги, опубликованы на русском языке, а три – на английском. В содержательном отношении в этой части представлены публикации, посвященные революции 1917 г. в России, ее творцам и участникам, историческому значению в мировом и национальном масштабе.

Отношение самого Т. Крауса к изучению революции отражает первая фраза из первой же статьи, посвященной 100-летию данного события: «Историю революций нельзя писать бесстрастно, даже самый хладнокровный ученый рано или поздно окажется по ту или иную сторону баррикад» [10, с. 15]. Свой выбор по данному вопросу он сделал давно и с сожалением констатирует: «История русской революции, как и многое другое, стала частью легитимационной идеологии нового господствующего порядка и повсеместно – от Москвы до Киева, от Вильнюса до Варшавы и Будапешта – попала в плен старых предрассудков». В интеллектуальном климате Восточной Европы, сложившемся после смены общественного строя в 1990–2000-х гг., автор выделяет, «с одной стороны, либеральную русофобию, а с другой стороны – имперский государственный национализм или этнонационализм». Целью происшедшей переоценки истории революции он видит стремление «очернить ее участников, ее цели, ценности, надежды и реальные результаты, поставить под сомнение сам факт Октябрьской революции» [10, с. 18].

Краус категорически отвергает интерпретацию прихода к власти большевиков как путча, считая, что целью революции являлось создание социализма, и рассматривая ее как сложную совокупность социально-экономических и политических процессов, в которых принимали участие представители разных классов и социальных групп, с разными задачами и соответствующим диапазоном действий: «Отличающиеся друг от друга особенности пролетарской, солдатской и крестьянской революций указывали на различные социально-политические и ментальные тенденции и в отношении целей и средств» [10, с. 31]. Отвергая и критикуя последующие преобразования сталинской эпохи, Краус подчеркива-

ет: «Октябрьская революция, родившись как методология коллективистского преобразования мира, пережила крах (государственного) социализма как практического эксперимента. Но ее всемирное влияние, ее исторический опыт дали сильные импульсы национально-освободительным движениям и всей антиколониальной борьбе в целом, окончательный исход которой был предопределен победой в Великой Отечественной войне» [10, с. 40].

Последующие статьи данного раздела раскрывают своеобразие русского исторического процесса (в контексте размышлений над дискуссией Л.Д. Троцкого и М.Н. Покровского), характеризуют роль В.И. Ленина во всемирной истории в оценках сложившейся историографии, освещают вопросы политической экономики и теории социализма.

Воине, геноциду и их отражению в современной политике памяти посвящена вторая часть, материалы которой представляют особый интерес вследствие тех острых дискуссий, которые ведутся сегодня по данным вопросам практически на всем постсоветском пространстве и нередко принимают характер настоящих «войн памяти» [4; 12]. Она включает четыре статьи, в первой из которых (с красноречивым подзаголовком «Кто несет ответственность за войну?») автор обращается к событиям начала Второй мировой войны и оценке советско-германского пакта о ненападении. Данную тему продолжает и вторая статья с не менее характерным названием, состоящим из двух взаимосвязанных вопросов: «Отождествима ли нацистская Германия с СССР? Или как переписывают историю Великой Отечественной войны представители мейнстрима венгерской исторической науки?» Т. Краус негативно оценивает саму постановку данного вопроса, отождествление СССР с нацистской Германией и такие взаимосвязанные с ним сюжеты, как «преувеличение достоинств западных союзников, недооценка советских военных усилий, прямая фальсификация начала Второй мировой войны. Эти тезисы сегодня являются общей точкой правительственной политики памяти восточноевропейских стран» [10, с. 129–130].

Причины такого всеобщего «оглушения» автор связывает с политическими изменениями в самих странах Восточной Европы,

вследствие которых «идеологически оправдать новое здание олигархической системы, второго издания капитализма без традиционного национализма невозможно, потому что этот тип национализма авторитарный, ультраконсервативный, антинаучный, агрессивный, содержит в себе наследие режимов периода между мировыми войнами и времени Второй мировой войны» [10, с. 131]. Цель подобных изысканий заключается в том, чтобы «снять с Гитлера и его союзников часть ответственности за мировую войну и нападение на СССР и переложить ее на Сталина для того, чтобы умолчать об исторической ответственности «политики умиротворения» западных держав (1934–1939) и дипломатии малых восточноевропейских государств в усилении нацистской Германии, расширении ее экспансии и развязывании мировой войны» [10, с. 131–132]. Т. Краус относит к «абсурдным концепциям» идею о том, что Вторая мировая война вспыхнула в результате пакта, а возложение ответственности за нее главным образом на Сталина, по его мнению, «служит стиранию грани между палачом, нацистской Германией, и жертвой, СССР» [10, с. 133].

Данные выводы автора близки точке зрения, не только разделяемой многими современными российскими историками [11], но и нашедшей отражение в поправках в Конституцию Российской Федерации в 2020 году. В то же время, находя объективные причины для заключения советско-германского пакта о ненападении 23 августа 1939 г. и связывая его с общим развитием международных отношений в канун Второй мировой войны и политикой ведущих западных стран, Т. Краус иначе оценивает советско-германский договор о дружбе 28 сентября 1939 г., считая, что он «запятнал грязью поведение советского руководства» [10, с. 141–142].

Не менее болезненной является тема пребывания венгерских войск на захваченной территории СССР в годы Великой Отечественной войны. Ей посвящена совместная с Е.М. Варга статья «Замалчиваемый геноцид: венгерские оккупационные войска на территории Советского Союза». Данная тема актуализировалась в последнее время в связи с реализацией крупного федерального проекта «Без срока давности», одним из главных на-

правлений которой стало издание в 2020 г. 23 томов документов, извлеченных из фондов федеральных и региональных архивов. В основном они включали материалы Чрезвычайной государственной комиссии СССР по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и причиненного ими ущерба гражданам, колхозам, общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям СССР (далее – ЧГК) из фондов Государственного архива Российской Федерации (далее – ГАРФ), краевых и областных комиссий содействия ЧГК из фондов региональных архивов [16]. Даже на фоне этого уникального издательского проекта статья венгерских историков представляется хорошо фундированной, опирающейся на материалы не только ГАРФ, но и Центрального архива Федеральной службы безопасности России, где хранятся материалы судебных процессов 1947 г. над военными преступниками. Авторы подчеркивают замалчивание темы в течение десятилетий и современную героизацию тех, кто принимал участие в нападении на СССР и его ограблении: «Создается впечатление, что определенные группировки новых властных элит пытаются задним числом выиграть Вторую мировую войну! В соответствии с этим в прибалтийских государствах, Румынии, у нас, в Венгрии, да и на Украине идет “отмывание грязного белья” под знаком политики, служащей легитимации нации и государства, делаются попытки оправдать действия регулярных военных отрядов и организаций, зверствовавших на советской территории» [10, с. 190–191].

Своеобразным продолжением обсуждения вопросов о преступлениях нацистов и их пособников выступает статья, в которой рассматривается возможность сравнительного исследования ГУЛАГа и Освенцима. По словам Т. Крауса, сама мысль «о возможности сопоставления ГУЛАГа с нацистскими лагерями коренится в аналогии между гитлеризмом и сталинизмом», которая зародилась «в среде антисталинской внутрипартийной оппозиции» [10, с. 216] и обрела популярность в виде теории тоталитаризма в условиях холодной войны. Между тем документы о ГУЛАГе вплоть до начала 1990-х гг. были не доступны исследователям, а использование «литератур-

ных обработок и мемуаров» не позволяло познакомиться с его «настоящей историей и реальными масштабами». Обращаясь к своей первой работе, вышедшей на русском языке, Т. Краус отмечает, что и он «заимствовал данные, общепринятые в исторической науке того времени и, как теперь понятно, не соответствующие действительности» [10, с. 218].

В подтверждение того, что политическая составляющая данного вопроса преобладала над научной, автор приводит политизацию изучения еще одной трагедии – голода 1932–1933 гг. на Украине. По словам венгерского историка, то, что «вынужденные эмигрировать из-за сотрудничества с нацистами украинские националистические организации» в начале 1980-х гг. выдвинули тему «советского холокоста», отчасти имело целью «отвлечь внимание от действительной роли украинских националистических групп в уничтожении евреев на Украине во время Второй мировой войны» [10, с. 220]. Поэтому им нужно было показать голодомор «как подобную нацистскому геноциду попытку сознательно уничтожить миллионы украинцев, причем количество жертв этой попытки должно было даже превышать 6 миллионов – число евреев, погибших в результате нацистского холокоста» [10, с. 220].

В завершающей третьей части «Смысл перестройки» с подзаголовком «Конец СССР» приведены статьи, в которых рассматриваются наиболее острые кризисы, приведшие в итоге к краху социалистической системы. Они рассказывают о венгерских Советах 1956 г., событиях и движениях 1968 г., перестройке и разделе собственности в СССР. А завершает книгу эссе, посвященное советскому человеку как сложному «продукту» всей «семидесятилетней истории советского государства, государственного коллективизма», который «существовал до тех пор, пока существовали советское государство и система государственного социализма» и являлся «результатом истории, носителем и отчасти творцом государственной политики и советской культуры» [10, с. 316].

Опубликованные в книге материалы позволяют достаточно полно представить исторические воззрения Т. Крауса, в основе которых лежит отрицание капитализма с его идеалами индивидуализма и частной собствен-

ности [10, с. 316] и приверженность социалистической идее. Венгерский историк неоднократно осуждает применение к советской истории теории тоталитаризма вследствие ограниченности ее исследовательского потенциала: «Горизонт подходов такого типа формируется примитивной антиномией “тоталитаризм или свобода”, которая ныне является господствующей критической точкой зрения при мейнстримных подходах» [10, с. 317]. В то же время его критику вызывает и противоположный подход, «некритическое превозношение, апологетика “советского человека”, согласно которой крах советского государства, государственного социализма в конечном итоге стал результатом некоего “заговора”, “предательства”. При этом объективность научного исследования приносится в жертву на алтаре державности и государственного национализма. Советский человек предстает перед нами как жертва коварства Запада. Это дает возможность избежать постановки вопроса о том, почему советский человек не защитил СССР и систему государственного социализма» [10, с. 317–318].

В критике Т. Краусом содержится немало обоснованных замечаний, высказанных в рамках марксистской парадигмы, по мнению ряда авторов, испытывающей ренессанс в последние годы [15]. В этом заключаются одновременно сильные и слабые стороны его исследовательского анализа. В духе марксизма он связывает развитие исторической науки с определенными социальными и политическими процессами, четко выделяя доминирующие с его точки зрения подходы, разбирая причины их появления, сущность и содержание. В то же время Т. Краус недооценивает способностей самой науки к трансформациям, фактически низводя ее к роли «служанки» политики, не обращает внимания на другие подходы и интерпретационные модели, которые «не вписываются» в предложенную им модель идеологического противостояния. Наименее проработанными же представляются его собственные идеалы, поскольку история не предоставила социализму шансов реализоваться в иных формах, кроме как критикуемого Т. Краусом государственного социализма, придавая обсуждению данных вопросов неизбежно лишь гипотетический характер.

И все же значение выхода сборника представляется несомненно положительным, не только как уже состоявшийся историографический факт, но и как возможность сопоставить собственные оценки исторического пути России в XX в. с опытом рефлексии внимательного и доброжелательного наблюдателя за происходившими преобразованиями и исследователя, хорошо знающего события советской истории и соответствующие источники.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Публикация подготовлена в рамках гранта Российского научного фонда «Войны и население юга России в XVIII – начале XXI в.: история, демография, антропология» (проект № 17-18-01411).

The research was supported by Russian Scientific Foundation “Wars and Population of the South of Russia in the XVIII – early XXI century: History, Demography, Anthropology” (project No. 17-18-01411).

Краус Тамаш. «Судьба идей в истории СССР и после...»

С.Г. Сидоров

Вышедшая в 2020 г. книга Тамаша Крауса «Судьба идей в истории СССР и после...» подводит итог полувекового интереса венгерского исследователя к истории нашей страны. Автор является известным историком и общественным деятелем, одним из инициаторов венгерской советологии, представителем критической марксистской мысли, профессором Будапештского университета имени Лоранда Этвёша. В 1993 г. Тамаш Краус стал членом, а в последующем и сопредседателем Российско-венгерской комиссии историков. Его книги о Сталине, Ленине, истории России в XX в., изданные на русском языке, хорошо известны российским историкам.

Содержание книги состоит из трех частей, каждая из которых обращена к переломным моментам в истории СССР. Первая часть посвящена историческому подходу к зарождению и развитию Советского Союза начиная с революции 1917 г., вторая – истории Великой Отечественной войны и участию Венгрии в боевых действиях на советско-германском

фронте, третья – распаду СССР. Как отмечает сам автор книги в предисловии, ему труднее и сложнее было объяснить, почему победила российская революция, и как сумел Советский Союз окрепнуть и продержаться в течение семи десятилетий, нежели ответить на вопрос о причинах его распада.

Т. Краус, разделяя всех советских, а в последующем и российских историков на «западников» и «государственников» [10, с. 11], подчеркивает, что у него с начала 80-х гг. под влиянием Дёрдя Лукача начало складываться свое методологическое убеждение – идея третьего пути, позволяющая избегать неверных политических решений и/или осуществлять анализ альтернативного исторического развития [10, с. 12]. С этих позиций Т. Краус и старается рассмотреть описываемые в книге события.

Подчеркивая важность первой и третьей частей книги, подробнее остановимся на анализе второй части «Война и геноцид. Исторические факты и политика памяти». В этом разделе из множества проблем автор выделяет, на его взгляд, четыре наиболее значимые. На первое место поставлен вопрос: кто же несет ответственность за войну? Постановка этого вопроса не случайна. В условиях вступления восточно-европейских стран в ЕС и НАТО их руководство под влиянием США встало на русофобские позиции. Западные страны стали рассматривать советско-германский договор о ненападении как важнейший документ, приведший к началу Второй мировой войны и тем самым обвинили СССР вместе с Германией в развязывании мировой войны. Т. Краус убедительно раскрывает исторические предпосылки пакта: политика умиротворения, проводимая западными странами накануне войны, Мюнхенское соглашение, отказ Запада подписать с СССР договор о взаимной помощи, позиция Польши [10, с. 134–135]. В таких условиях СССР желал как можно дольше остаться вне войны. Фактически по этому вопросу автор последовательно придерживается точки зрения, господствовавшей в Советском Союзе.

Совсем иную оценку историк дает советско-германскому договору о дружбе и границе от 28 сентября 1939 года. По мнению автора, этот договор Сталин заключил для ус-

покоения немцев, что СССР будет выполнять договор о ненападении. Однако наличие подобного договора оказало не только катастрофическое влияние на обороноспособность страны, на все международное рабочее движение и антифашистское общественное мнение, но и в настоящее время используется противниками России как мощное идеологическое средство [10, с. 142].

Ответ на второй вопрос: «отождествима ли нацистская Германия с СССР?» Т. Краус дает на примере критики теории тоталитаризма, основанной на гипотезе отождествления нацизма (фашизма) и коммунизма. Как справедливо отмечает автор, эта теория поддерживается сегодня во многих странах Восточной Европы, где нередко предпринимаются попытки обелить фашизм. Так, в Венгрии официально героизируют Хорти и его армию, виновную в геноциде советских мирных жителей. Приведя многочисленные примеры, исследователь убедительно показал, что осуществляемый нацистами геноцид был делом рук не только немцев, но и румын, венгров, финнов, латышей, украинцев и т. д. [10, с. 157].

Говоря о геноциде, автор подчеркивает и различное отношение к военнопленным в нацистской Германии и Советском Союзе. Он показывает несостоятельность венгерского историка Унгвари поставить обращение советских военных властей с немецкими военнопленными на один уровень с отношением нацистов к советским военнопленным. Об этом наглядно свидетельствуют цифры погибших в плену, которые в немецких лагерях в три раза больше, чем в СССР [10, с. 164]. Фактически это был геноцид по отношению к советским военнопленным.

Т. Краус критикует Унгвари и за его попытку оправдать борьбу с партизанами военным правом, что в конечном итоге может служить обелению Вермахта и его генерального штаба. Автор на многочисленных примерах убедительно показывает, что весь период войны нацистское государство и его венгерские союзники нигде и никогда не соблюдали никаких норм военного права, которые заранее исключались самим тотальным характером войны, осуществлением грабежей и геноцида [10, с. 166–169].

Тамаш Краус яростно выступает против мифологизации предателей и коллаборантов, которых в ряде стран часто изображают «третьей силой» между нацистской Германией и Советским Союзом, и тем самым давая возможность превратить в героев Бандеру и его единомышленников или членов отрядов СС.

Значительная часть книги отведена проблеме замалчивания геноцида в СССР и в восточноевропейских странах в послевоенное время. Автор объясняет это явление двумя причинами: стремлением советского руководства смягчить глубокий психологический шок у своих граждан и стремлением свести до минимума конфликты, которые могли возникнуть на этой почве, со своими новыми союзниками [10, с. 191]. На наш взгляд, вторая причина была преобладающей.

Со сменой общественного строя в восточноевропейских странах стал осуществляться своего рода пересмотр истории, героизация коллаборантов и армий, участвующих в нападении на СССР. В этих условиях, как отмечает Т. Краус, не случайно в начале 2000-х гг. из глубины российских архивов были извлечены соответствующие документы, проливающие свет на геноцид, осуществляемый немецкими и союзными им войсками на оккупированной территории Советского Союза. В книге приводятся многочисленные примеры массовых убийств, совершенных венгерскими солдатами на Украине, в России, Белоруссии [10, с. 200–215].

В последнем разделе второй части книги Тамаш Краус размышляет о ГУЛАГе в сопоставлении с Освенцимом и показывает, откуда и почему появилось подобное сравнение сначала в ходе дискуссии немецких историков в 80-е гг. XX в., а затем во время проведения крупной интеллектуальной американской «операции» [10, с. 219]. Именно в эти годы Р. Рейган объявляет СССР «империей зла». Происходит отождествление нацистского геноцида и ГУЛАГа, объявление голода на Украине 1932–1933 гг. «советским холокостом», ставится знак равенства между понятиями «фашизм» и «сталинизм».

Т. Краус проводит сравнение двух режимов, показывает существенные различия между ними [10, с. 226–233], раскрывает проис-

хождение ГУЛАГа и отмечает исключительность Освенцима. Автор книги подчеркивает и цель подобного сравнения, которое все чаще встречается в публикациях на Западе – внушить мысль о сходстве или тождестве лагерей ГУЛАГа и нацистских лагерей смерти [10, с. 237]. Проведенный анализ позволил исследователю сделать вывод, что ГУЛАГ, в отличие от нацистского фашизма, не содержал в себе геноцида [10, с. 238].

Книга Тамаша Крауса «Судьба идей в истории СССР и после...» – уникальное явление в современной венгерской исторической литературе. Автор глубоко владеет историческим материалом, свободно разбирается в западной, венгерской, советской и российской историографии проблемы, смело, открыто и, главное, аргументированно критикует господствующие сегодня в Венгрии и на Западе взгляды на советский период истории нашей страны и стран народной демократии. Хочется выразить надежду на то, что российские читатели вскоре увидят новые правдивые исследования, написанные профессиональным историком Тамашом Краусом – искренним другом России.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аксенов, П. Как Германия преодолевала опыт нацизма / П. Аксенов // Би-би-си. – 30 окт. 2013. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: https://www.bbc.com/russian/international/2013/11/131030_germany_history (дата обращения: 15.05.2021). – Загл. с экрана.
2. Акт № 33. О зверствах и бесчинствах венгров и немцев в г. Коротояк, Покровском с/с Воронежской области. 18 января 1943 г. // Без срока давности: преступления нацистов и их пособников против мирного населения на оккупированной территории РСФСР в годы Великой Отечественной войны. Воронежская область : сб. архив. док. / отв. ред. П. П. Толстых. – М. : Фонд «Связь Эпох» : Кучково поле, 2020. – 576 с. : ил.
3. Белادي, Л. Сталин / Л. Белادي, Т. Краус. – М. : Политиздат, 1989. – 318 с.
4. Бордюгов, Г. «Войны памяти» на постсоветском пространстве / Г. Бордюгов. – М. : АИРО-XXI, 2011. – 256 с.
5. Борзняк, А. И. Жестокая память. Нацистский рейх в восприятии немцев второй половины XX и начала XXI века / А. И. Борзняк. – М. : РОССПЭН, 2014. – 350 с.

6. Зверства, грабежи и насилия немецко-фашистских захватчиков. – Л. : ОГИЗ : Госполитиздат, 1942. – 142 с.

7. Краус, Т. Краткий очерк истории России в XX веке / Т. Краус. – М. : Мир и семья, 2001. – 256 с.

8. Краус, Т. Ленин. Социально-теоретическая реконструкция / Т. Краус. – М. : Наука, 2011. – 398 с.

9. Краус, Т. Советский термидор. Духовные предпосылки сталинского поворота (1917–1928) / Т. Краус. – М. : Меценат, 1997. – 250 с.

10. Краус, Т. Судьба идей в истории СССР и после... / Т. Краус ; под общ. ред. М. С. Петровой. – М. : Аквилон, 2020. – 332 с. – (Гуманитарные науки в исследованиях и переводах [Т. XIII]; изд. с 2010 г. / отв. ред. серии – М. С. Петрова).

11. На пороге войны. 1939 год : материалы Междунар. науч. конф. «Стратегия СССР по предотвращению Второй мировой войны в Европе и Азии» (г. Москва, 13–16 сентября 2019 г.)». – М. : Яуза-Каталог, 2020. – 448 с.

12. Политика памяти в современной России и странах Восточной Европы. Актеры, институты, нарративы / под ред. А. И. Миллера, Д. В. Ефременко. – СПб. : Изд-во Европ. ун-та в Санкт-Петербурге, 2020. – 632 с.

13. Филоненко, С. И. Крах фашистского «нового порядка» на Верхнем Дону (июль 1942 – февраль 1943) / С. И. Филоненко, Н. В. Филоненко. – 3-е изд. – Воронеж : Изд-во ВГАУ, 2005. – 256 с.

14. Холявко, А. Состояние 1 % богатейших людей в мире больше, чем у остального населения // Ведомости. – 2020. – 21 января. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2020/01/20/821057-sostoyanie-bogateishih> (дата обращения: 30.05.2021). – Загл. с экрана.

15. Черныш, М. Ф. Современный марксизм в мировом и российском контекстах / М. Ф. Черныш // Социологические исследования. – 2018. – № 5. – С. 15–25.

16. Voronin, K. V. Publishing Project “No Statute of Limitations” and its Significance to the Study of the Nazi Occupation and War Crimes during the Great Patriotic War / K. V. Voronin, E. F. Krinko // Russkii arkhiv. – 2020. – № 2. – P. 117–129.

REFERENCES

1. Aksenov P. Kak Germaniya preodolevala opyt nacizma [How Germany Overcame the Experience of Nazism]. *Bi-bi-si* [BBC], 2013, October 30. URL: https://www.bbc.com/russian/international/2013/11/131030_germany_history (accessed 15 May 2021).

2. Akt № 33. O zverstvax i beschinstvax vengrov i nemcev v g. Korotoyak, Pokrovskom s/s Voronezhskoj oblasti. 18 yanvarya 1943 g. [Act No. 33. On the

Atrocities of the Hungarians and the Germans in the City of Korotoya, Pokrovskoye, Voronezh Oblast. January 18, 1943]. Tolstykh P.P., ed. *Bez sroka давности: prestupleniya nacistov i ikh posobnikov protiv mirnogo naseleniya na okkupirovannoy territorii RSFSR v gody Velikoj Otechestvennoj vojny. Voronezhskaya oblast: sb. arkhiv. dok.* [Crimes Without a Limitation Period: Atrocities of Nazis and Collaborators Against the Civilians on the Occupied Territories of the RSFSR During the Great Patriotic War. Voronezh Oblast. Collection of Archival Documents]. Moscow, Fond «Svyaz Epokh», Kuchkovo pole» Publ., 2020. 576 p.: il.

3. Beladi L., Kraus T. *Stalin* [Stalin]. Moscow, Politizdat, 1989. 318 p.

4. Bordyugov G. «*Voyny pamyati*» na postsovetskom prostranstve [“Wars of Memory” in the Post-Soviet Space]. Moscow, AIRO-XXI, 2011. 256 p.

5. Boroznyak A.I. *Zhestokaya pamyat. Nacistiskij rejkh v vospriyatii nemcev vtoroj poloviny XX i nachala XXI veka* [Harsh Memories. The Third Reich and the Perception of Germans in the Second Half of the 20th – Beginning of the 21st Century]. Moscow, ROSSPEN, 2014. 350 p.

6. *Zverstva, grabezhi i nasiliya nemecko-fashistskikh zakhvatchikov* [Atrocities, Robberies and Violence of the Nazi Invaders]. Leningrad, OGIz, Gospolitizdat, 1942. 142 p.

7. Kraus T. *Kratkiy ocherk istorii Rossii v XX veke* [A Short Sketch of the History of Russia in the 20th Century]. Moscow, Mir i semya, 2001. 256 p.

8. Kraus T. *Lenin. Sotsialno-teoreticheskaya rekonstruktsiya* [Lenin. Socio-Theoretical Reconstruction]. Moscow, Nauka Publ., 2011. 398 p.

9. Kraus T. *Sovetskiy termidor. Dukhovnye predposylki stalinskogo povorota (1917–1928)* [Soviet Thermidor. Spiritual Preconditions of the Stalinist Turn (1917–1928)]. Moscow, Metsenat Publ., 1997. 250 p.

10. Kraus T. *Sudba idej v istorii SSSR i posle...* [The Fate of Ideas During the USSR History and After...]. Moscow, Akvilon Publ., 2020. 332 p.

11. *Na poroge vojny. 1939 god: materialy Mezhdunar. nauch. konf. «Strategiya SSSR po predotvrashcheniyu Vtoroy mirovoy vojny v Evrope i Azii» (g. Moskva, 13–16 sentyabrya 2019 g.)* [On the Verge of War. 1939. Proceedings of the International Scientific Conference “Strategy of the USSR for the Prevention of World War II in Europe and Asia” (Moscow, September 13–16, 2019)]. Moscow, Yauza-Katalog Publ., 2020. 448 p.

12. Miller A.I., Efremenko D.V., eds. *Politika pamyati v sovremennoy Rossii i stranakh Vostochnoy Evropy. Aktory, instituty, narrativy* [The Politics of Memory in Modern Russia and the Countries of Eastern Europe. Actors, Institutions, Narratives]. Saint

Petersburg, Izd-vo Evropeiskogo universiteta v Sankt-Peterburge, 2020. 632 p.

13. Filonenko S.I., Filonenko N.V. *Krah fashistskogo «novogo poryadka» na Verhnem Donu (iyul 1942 – fevral 1943)* [Fall of the Nazis “New Order” in the Upper Don Region (July 1942 – February 1943)]. Voronezh, Izd-vo VGAV, 2005. 256 p.

14. Kholyavko A. Sostoyanie 1% bogatejshih lyudej v mire bolshe, chem u ostal'nogo naseleniya [The Wealth of the Worlds Richest 1% is Greater Than That of the Rest of the Population]. *Vedomosti*, 2020,

January 21. URL: <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2020/01/20/821057-sostoyanie-bogateishih> (accessed 30 May 2021).

15. Chernysh M.F. Sovremennyy marksizm v mirovom i rossiyskom kontekstakh [Modern Marxism in the World and Russian Contexts] *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2018, no. 5, pp. 15-25.

16. Voronin K.V., Krinko E.F. Publishing Project “No Statute of Limitations” and Its Significance to the Study of the Nazi Occupation and War Crimes During the Great Patriotic War. *Russkiy arkhiv*, 2020, no. 2, pp. 117-129.

Information About the Authors

Nina E. Vashkau, Doctor of Sciences (History), Professor, Department of Russian and World History, Lipetsk State Pedagogical University, Lenina St, 42, 398020 Lipetsk, Russian Federation, vaschkau@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9181-4381>

Arcady A. German, Doctor of Sciences (History), Professor, Department of National History and Historiography, Institute of History and International Relations, Saratov National Research State University, Astrakhanskaya St, 83, 410012 Saratov, Russian Federation, a.a.german@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7571-7645>

Tatiana B. Ivanova, Doctor of Sciences (Economics), Professor, Department of Public Administration and Management, Volgograd Institute of Management, Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Gagarina St, 8, 400005 Volgograd, Russian Federation, nika20021960@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1103-8210>

Evgeniy F. Krinko, Doctor of Sciences (History), Chief Researcher, Southern Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences, Chekhova St, 41, 344010 Rostov-on-Don, Russian Federation, krinko@ssc-ras.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3008-5626>

Sergey G. Sidorov, Doctor of Sciences (History), Professor, Department of Russian and World History, Archaeology, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, sergei.sidorov@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1366-5787>

Информация об авторах

Нина Эмильевна Вашкау, доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной и всеобщей истории, Липецкий государственный университет им. П.П. Семенова-Тян-Шанского, ул. Ленина, 42, 398020 г. Липецк, Российская Федерация, vaschkau@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9181-4381>

Аркадий Адольфович Герман, доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории и историографии, Институт истории и международных отношений, Саратовский национальный исследовательский государственный университет, ул. Астраханская, 83, 410012 г. Саратов, Российская Федерация, a.a.german@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7571-7645>

Татьяна Борисовна Иванова, доктор экономических наук, профессор кафедры государственного управления и менеджмента, Волгоградский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, ул. Гагарина, 8, 400005 г. Волгоград, Российская Федерация, nika20021960@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1103-8210>

Евгений Федорович Кринко, доктор исторических наук, главный научный сотрудник, Южный научный центр РАН, просп. Чехова, 41, 344010 г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация, krinko@ssc-ras.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3008-5626>

Сергей Григорьевич Сидоров, доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной и всеобщей истории, археологии, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, sergei.sidorov@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1366-5787>